

СТАРАЯ ПРОФЕССИЯ

«Леон» Люка Бессона с огромным успехом идет во Францию, хотя кинокритики отнеслись к новой работе автора «Подземки», «Никиты» и «Голубой бездны» довольно прохладно. Историю дружбы профессионального убийцы с девочкой, живущей по соседству, сочли чересчур сентиментальной и в то же время излишне жестокой. Впрочем, сам режиссер считает, что дело не в содержании фильма, а в обстоятельствах, сопутствующих его выходу на экраны. В недавнем интервью парижской газете «Монд», он говорил о проблемах французского кино в 90-е годы и о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться лично, во время работы над «Леоном».

— Говорят, вы не любите интервью.

— Ну, почему же не люблю? Я согласился на это интервью, хотя порой пресса, журналисты бывают несносны. Кинокритики должны вести режиссера к его следующим работам, а они упираются в предыдущие и почти никогда не могут оценить текущие. Порой складывается впечатление, что они — охранники в Музее Непреходящих Ценностей. Они против любой вещи, не укладывающейся в их представление об искусстве. Мне кажется несправедливыми нападки на творца, который только учится своему ремеслу. Первые десять лет работы я очень хотел читать вдумчивые, непредвзятые рецензии на мои фильмы, но так этого и не дождался. Когда-то я был заворочен тем, что называется «общественным мнением». Но потом я

— Сначала я хотел снимать фантастический фильм. А потом почему-то начал придумывать продолжение истории Виктора, наемного убийцы из «Никиты». Но поскольку он там погибает, пришлось давать ему новое имя. Я не думал, что буду снимать этот фильм и уже прикидывал, как стану упрощать режиссера, чтобы он взял на роль Жана Рено, который играл в «Никите». А потом, когда дописал сценарий, перечитал его и мне так понравилось, что решил — никому не отдам. И упрощать никого не придется. Но действие происходило в Нью-Йорке, и я начал прикидывать, как будет выглядеть в этой роли Роберт де Ниро, Энди Гарсия. А потом понял, что лучше Рено мне не найти.

— Зато все другие роли играют американцы и англичане.

третьеразрядное кино, успокоились.

— А как американцы отнеслись к тому, что главную роль играет француз?

— Никак. Дело в том, что они по контракту не имели права вмешиваться. Когда у американских продюсеров есть власть, они ужасны. Когда ее нет — они милейшие люди. Я начал с того, что отправился к Марку Кэнтону из «Коламбии» и сказал: «Вот сценарий, съемочный период — четыре неде-

нистра. Он зажат в угол, потому что из общеевропейских фондов дотации выделяются только под программы по защите языка. Ему нужно и культуру поддержать, и обвинений в расизме избежать».

— Во Франции режиссер является автором, в Голливуде — производителем фильмов.

— Я не являюсь ни тем, ни другим. Я не считаю себя ни частью искусства, ни частью культуры. Я просто рассказываю истории. Но не на бумаге, а

Люк
БЕССОН:

«Я БЕЗ ИСКРЫ БОЖЬЕЙ»

читал, читал и... ничего не мог понять. Какие-то разговоры о стоимости постановки, о том, что персонажи смеют ронять реплики по-английски. Меня почему-то принято называть «феноменом». Один сказал, остальные подхватили. А о самих фильмах — ни слова. Я слышал куда больше толковых высказываний на премьерах моих фильмов в провинции — после просмотра люди охотно шли к микрофону, говорили, оказывалось, кто-то все-таки сумел понять, что мне хотелось выразить.

— Позвольте вас перебить. До какого момента вы считали себя человеком, который учится своему ремеслу? С какого фильма стали сложившимся постановщиком?

— До «Никиты» я учился. Перед этим снял четыре фильма, но никогда не посещал никаких киношкол. Мне кажется, в человеке заложено определенное количество материала для творчества, и когда он его исчерпает, нужно уходить. А в кино это проявляется десятикратно. Это современный вид искусства, который требует огромной отдачи. Думаю, что за всю жизнь я сниму десять фильмов. А потом перестану работать режиссером, стану писать. Может быть, буду сочинять сценарии для других режиссеров. Но снимать самому не хватит ни мужества, ни сил. Кино — это слишком тяжело. Вот, смотрите — весь мир удивляется, что Прост бросил гонки. А я его понимаю: невозможно всю жизнь провести на «Формуле-1». Кино — именно гонки. Я никогда не считал себя особенно одаренным. Я труженик, поэтому постепенно снимаю лучше и легче. Может быть, для таких авторов, как Скорсезе, кино — это очень легко, но я не чувствую себя обладателем Божьего дара.

— Значит, вам осталось снять всего

— Четыре фильма. И вряд ли среди них будет Великий. Потом уйду. Мне не хочется видеть жалость в глазах людей.

— Хорошо, вернемся к этому вопросу после вашего одиннадцатого фильма. А пока поговорим о «Леоне».

Как в вашу компанию затесался Гэри Олдман?

— Сначала я хотел, чтобы его роль сыграл Уилем Дефоу. Он приехал в Лондон, прочитал за сутки сценарий и сказал: «Нет, не буду играть никого, кроме Леона». На этом и расстались. А с Гэри нас познакомила его костюмерша. Он, оказывается, является большим поклонником «Подземки». Наша встреча началась с того, что он начал наизусть цитировать диалоги из этого фильма восьмилетней давности. Мне показалось сначала, что у меня крыша поехала! Мы отправились пообедать, просидели до утра, а когда расходились, он сказал: «Ладно, сценарий прочитаю потом, ты главное скажи, когда у тебя начинаются съемки, чтобы мне не занимать эти недели?» У меня не было слов, я сказал, что его роль будет «открытой», он сможет забавляться со своим персонажем, как ему угодно. Гэри — гениальный актер. Мощная машина, как Феррари. Жмешь на рычаг, и она сразу трогается. Каждое утро он приходил на площадку со словами: «Ну, кого сегодня будем убивать?»

— Почему вы выбрали Натали Портман на роль Матильды? Может быть, стоило пригласить кого-нибудь позвоннее?

— Может быть, вы хотели спросить — «по-французистее», но не рискнули? Да, мы действительно нашли девочку в Нью-Йорке. А что касается известности. Ну где вы найдете известную актрису в возрасте 12 лет? Натали прочитала сценарий, ей хотелось играть, но родители были против. Мне нравилась эта девочка, и я проявил терпение. Родители составили список из 15 пунктов, которые их не устраивали, и мы постепенно все уладили.

— А что их не устраивало?

— Что она курит, что ей приходится брать в руки оружие. Как раз незадолго до этого произошел инцидент с Брэнденом Ли, и они были смертельно напуганы, что у нас тоже вместо холостых зарядов кто-нибудь использует боевые. Но после того, как они побывали на площадке, убедились, что это серьезная постановка, а не

ли, главную роль играет Рено, покупаете американские права или нет?» Он подумал и ответил: «Покупаем». Единственное, что их волновало: слишком много жестокости в фильме. Можно было получить категорию «Х», кое-что поэтому пришлось смягчить. Но, кстати говоря, с приходом в сюжет актеров история начала смягчаться сама собой. Первый вариант сценария был очень чернушным.

— Какой момент работы над фильмом вам нравится больше всего? Когда вы снимаете, когда вы монтируете?

— Когда я пишу.
— Что вы думаете о решении Министерства культуры Франции не поддерживать французские фильмы, которые снимают на других языках?

— Мне кажется странным, что французское правительство выделяет деньги на дубляж французских фильмов на английский язык, но при этом закрывает финансирование для французских лент, которые с самого начала снимаются на английском.

Возьмем, к примеру, «Леона». Режиссер и исполнитель главной роли — французы. Наташа снималась в Нью-Йорке, интерьеры — во Франции. Монтировался фильм во Франции. Съемочная группа — французы. Но фильм французским не считается, потому что единственным критерием сегодня является язык. Пять лет назад мы снимали «Голубую бездну» на английском, и фильм был французским. А теперь вышло постановление, и сделанный по тому же принципу «Леон» отечественным не считается.

В результате вся молодежь драпает из Франции, потому что денег мало, требования невыполнимы, а атмосфера становится, откровенно говоря, густой. В Лос-Анджелесе я встретил немало французских актеров и режиссеров. И мне очень обидно, потому что в Голливуде они будут зарабатывать в десять раз больше, а последние пять лет я несколько раз отказывался снимать фильмы в Америке, а теперь меня обвиняют в проамериканизме.

Я не собираюсь обвинять ми-

на пленке.

— Но ведь за историями наверняка стоит что-то еще?

— Не знаю. Я никогда не ходил в кинематеку, до одиннадцати лет вообще не видел ни одного фильма. Поэтому во мне нет кинематографической культуры. Мне кажется, это должно быть заложено в раннем детстве. И в кино мне нравится совсем не то, что большинству режиссеров. Я люблю делать, а не «существовать» или «выражаться».

— Неужели вы действительно не видели ни одного фильма до одиннадцати лет?

— Мое детство делится на «до» и «после». До одиннадцати мои родители жили в Греции и Югославии, точнее на островах в Средиземном море, они были ныряльщиками. Мы жили в походных условиях, никаких телевизоров не было и в помине. Летом — море, зимой — горы. У меня было детство Тарзана. Только потом я осознал, как сильно это помогает мне бороться с искусственными правилами игры в современном обществе. Порой тебе больно, но это можно пережить, потому что знаешь — все это ненастоящее, условное.

— Исполнитель главной роли в «Леоне» Жан Рено — ваш давний приятель и соратник по творчеству. Верность актерам — важное качество постановщика?

— Я не считаю себя «верным» режиссером. Можно быть верным в любви и дружбе, но не в профессии. Я беру на роль Жана, потому что считаю его лучшим. И хотя в жизни мы друзья, в кино я порой бываю к нему жесток. Например, в «Никите» у него была маленькая роль, всего неделя съемок. Но я не взял его ни на роль любовника героини, ни на роль ее наставника, потому что это не соответствовало сценарию. Я вообще никогда не пишу специально для кого-то. В этом случае начинаешь повторяться и заставляешь повторяться актера. Что же касается «Леона», просто так получилось. Я пошел за Леоном, а не он — за мной.

Жан-Мишель ФРОДОН.
ПАРИЖ.